

АРКАДИЙ И БОРИС СТРУГАЦКИЕ

Хищные вещи века

Аркадий и Борис Стругацкие

Хищные вещи века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121719

Хищные вещи века: Эксмо, Terra Fantastica; Москва; 2006

ISBN 5-7921-0696-7, 5-699-17148-7, 5-699-17246-7

Аннотация

XXI век – эпоха перемен... В этот мир окунается космонавт Иван Жилин, навсегда возвратившийся на Землю, где его ждут «хищные вещи века».

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	24
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	47
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Хищные вещи века

*Есть лишь одна проблема –
одна-единственная в мире –
вернуть людям духовное содержание,
духовные заботы...*

А. де Сент-Экзюпери

ГЛАВА ПЕРВАЯ

У таможенника было гладкое округлое лицо, выражающее самые добрые чувства. Он был почтительно-приветлив и благожелателен.

– Добро пожаловать, – негромко произнес он. – Как вам нравится наше солнце? – Он взглянул на паспорт в моей руке. – Прекрасное утро, не правда ли?

Я протянул ему паспорт и поставил чемодан на белый барьер. Таможенник бегло пролистал страницы длинными осторожными пальцами. На нем был белый мундир с серебряными пуговицами и серебряными шнурами на плечах. Он отложил паспорт и коснулся кончиком пальца чемодана.

– Забавно, – сказал он. – Чехол еще не высох. Трудно

представить себе, что где-то может быть ненастье.

– Да, у нас уже осень, – со вздохом сказал я, открывая чемодан.

Таможенник сочувственно улыбнулся и рассеянно заглянул внутрь.

– Под нашим солнцем невозможно представить себе осень, – сказал он. – Благодарю вас, вполне достаточно... Дождь, мокрые крыши, ветер...

– А если под бельем у меня что-нибудь спрятано? – спросил я. Не люблю разговоров о погоде.

Он от души рассмеялся.

– Пустая формальность, – сказал он. – Традиция. Если угодно, условный рефлекс всех таможенников. – Он протянул мне лист плотной бумаги. – А вот и еще один условный рефлекс. Прочтите, это довольно необычно. И подпишите, если вас не затруднит.

Я прочел. Это был закон об иммиграции, отпечатанный изящным курсивом на четырех языках. Иммиграция категорически запрещалась. Таможенник смотрел на меня.

– Любопытно, не правда ли? – сказал он.

– Во всяком случае, это интригует, – ответил я, доставая авторучку. – Где нужно расписаться?

– Где и как угодно, – сказал таможенник. – Хоть поперек.

Я расписался под русским текстом поперек строчки «С законом об иммиграции ознакомился (лась)».

– Благодарю вас, – сказал таможенник, пряча бумагу в

стол. – Теперь вы знаете практически все наши законы. И в течение всего срока... Сколько вы у нас пробудете?

Я пожал плечами.

– Трудно сказать заранее. Как пойдет работа.

– Скажем, месяц?

– Да, пожалуй. Пусть будет месяц.

– И в течение всего этого месяца... – Он наклонился, делая какую-то пометку в паспорте. – В течение всего этого месяца вам не понадобятся больше никакие законы. – Он протянул мне паспорт. – Я уже не говорю о том, что вы можете продлить ваше пребывание у нас на любой разумный срок. А пока пусть будет тридцать дней. Если вам захочется побыть еще, зайдете шестнадцатого мая в полицию, уплатите доллар... У вас ведь есть доллары?

– Да.

– Вот и прекрасно. Причем совсем не обязательно именно доллар. У нас принимают любую валюту. Рубли, фунты, крузейро...

– У меня нет крузейро, – сказал я. – У меня только доллары, рубли и несколько английских фунтов. Это вас устроит?

– Несомненно. Кстати, чтобы не забыть. Внесите, пожалуйста, девяносто долларов семьдесят два цента.

– С удовольствием, – сказал я. – А зачем?

– Так уж принято. В обеспечение минимума потребностей. К нам еще ни разу не приезжал человек, не имеющий каких-нибудь потребностей.

Я отсчитал девяносто один доллар, и он, не садясь, принялся выписывать квитанцию. От неудобной позы шея его налилась малиновой кровью. Я огляделся. Белый барьер тянулся вдоль всего павильона. По ту сторону барьера радушно улыбались, смеялись, что-то доверительно объясняли таможенные чиновники. По эту сторону нетерпеливо переминались, щелкали замками чемоданов, возбужденно оглядывались пестрые пассажиры. Всю дорогу они лихорадочно листали рекламные проспекты, шумно строили всевозможные планы, тайно и явно предвкушали сладкие денечки и теперь жаждали поскорее преодолеть белый барьер – томные лондонские клерки и их спортивного вида невесты, бесцеремонные оклахомские фермеры в ярких рубашках навыпуск, широких штанах до колен и сандалиях на босу ногу, туринские рабочие со своими румяными женами и многочисленными детьми, мелкие партийные боссы из Аргентины, финские лесорубы с деликатно притушенными трубочками в зубах, венгерские баскетболистки, иранские студенты, черные профсоюзные деятели из Замбии...

Таможенник вручил мне квитанцию и отсчитал двадцать восемь центов сдачи.

– Вот и все формальности. Надеюсь, я не слишком задержал вас. Желаю вам приятно провести время.

– Спасибо, – сказал я и взял чемодан.

Таможенник смотрел на меня, слегка склонив набок гладкое улыбающееся лицо.

– Через этот турникет, прошу вас, – сказал он. – До свидания. Позвольте еще раз пожелать вам всего хорошего.

Я вышел на площадь вслед за итальянской парой с четырьмя детьми и двумя механическими носильщиками.

Солнце стояло высоко над сизыми горами. На площади все было блестящее, яркое и пестрое. Немного слишком яркое и пестрое, как это обычно бывает в курортных городах. Блестящие красные и оранжевые автобусы, возле которых уже толпились туристы. Блестящая гляцевитая зелень скверов с белыми, синими, желтыми, золотыми павильонами, тентами и киосками. Зеркальные плоскости, вертикальные, горизонтальные и наклонные, вспыхивающие ослепительными горячими зайчиками. Гладкие матовые шестиугольники под ногами и колесами – красные, черные, серые, едва заметно пружинящие, заглушающие шаги... Я поставил чемодан и надел темные очки.

Из всех солнечных городов, в которых мне довелось побывать, этот был, наверное, самым солнечным. И совершенно напрасно. Было бы гораздо легче, если бы он оказался пасмурным, если было бы грязно и слякотно, если бы этот павильон был серым, с цементными стенами и на сером мокром цементе было бы нацарапано что-нибудь похабное. Унылое и бессмысленное – от скуки. Тогда бы, наверное, сразу захотелось работать. Обязательно захотелось бы, потому что такие вещи раздражают и требуют деятельности... Все-таки трудно привыкнуть к тому, что нищета может быть богатой... И

поэтому нет обычного азарта и не хочется немедленно взяться за дело, а хочется сесть в один из этих автобусов, вот в этот красный с синим, и двинуть на пляж, поплавать с аквалангом, обгореть, назначить свидание какой-нибудь киске или отыскать Пека, расположиться с ним в прохладной комнате на полу, вспомнить все хорошее, и чтобы он спрашивал меня про Быкова, про Трансплутон, про новые корабли, в которых я и сам теперь плохо разбираюсь, но все же лучше, чем он, и чтобы он вспоминал про мятеж и хвастался шрамами и своим высоким общественным положением... Это будет очень удобно, если у Пека окажется высокое общественное положение. Хорошо, если бы он оказался, скажем, мэром...

Ко мне неторопливо приблизился, вытирая губы платочком, смуглый полный человек в белом, в круглой белой шапочке набекрень. Шапочка была с прозрачным зеленым козырьком и с зеленой лентой, на которой было написано: «Добро пожаловать». На мочке правого уха у него блестела серьга-приемник.

– С приездом, – сказал человек.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Добро пожаловать. Меня зовут Амад.

– А меня – Иван, – сказал я. – Рад познакомиться.

Мы кивнули друг другу и стали смотреть, как туристы рассаживаются по автобусам. Они весело галдели, и теплый ветерок катил от них по площади окурки и мятые конфетные бумажки. На лицо Амада падала зеленая тень козырька.

– Курортники, – сказал он. – Беззаботные и шумные. Сейчас их развезут по отелям, и они немедленно кинутся на пляж.

– С удовольствием прокатился бы на водных лыжах, – заметил я.

– В самом деле? Вот никогда бы не подумал. Вы меньше всего похожи на курортника.

– Так и должно быть, – сказал я. – Я приехал поработать.

– Поработать? Ну что ж, к нам приезжают и для этого. Два года назад к нам приезжал Джонатан Крайс, писал здесь картину. – Он засмеялся. – Потом в Риме его поколотил какой-то папский нунций, не помню фамилии.

– Из-за этой картины?

– Нет, вряд ли. Ничего он здесь не написал. Здесь он дневал и ночевал в казино... Пойдемте выпьем что-нибудь.

– Пойдемте, – сказал я. – Вы мне что-нибудь посоветуете.

– Советовать – моя приятная обязанность, – сказал Амад.

Мы одновременно наклонились и оба взяли за ручку чемодана.

– Не стоит, я сам...

– Нет, – возразил Амад. – Вы гость, а я хозяин... Пойдемте вон в тот бар. Там сейчас пусто.

Мы вошли под голубой тент. Амад усадил меня за столик, поставил чемодан на пустой стул и отправился к стойке. Здесь было прохладно, шелкала холодильная установка. Амад вернулся с подносом. На подносе стояли два высоких

стакана и плоские тарелочки с золотистыми от масла ломтиками.

– Не очень крепкое, – сказал Амад, – но зато по-настоящему холодное.

– Я тоже не люблю крепкое с утра.

Я взял стакан и отхлебнул. Было вкусно.

– Глоток – ломтик, – посоветовал Амад. – Глоток – ломтик. Вот так.

Ломтики хрустели и таяли на языке. По-моему, они были лишние. Некоторое время мы молчали, глядя из-под тента на площадь. Автобусы с негромким гулом один за другим уходили в садовые аллеи. Они казались громоздкими, но в их громоздкости было какое-то изящество.

– Все-таки там слишком шумно, – сказал Амад. – Отличные коттеджи, много женщин – на любой вкус, море рядом, но никакой приватности. Думаю, вам это не подойдет.

– Да, – согласился я. – Шум будет мешать. И я не люблю курортников, Амад. Терпеть не могу, когда люди веселятся добросовестно.

Амад кивнул и осторожно положил в рот очередной ломтик. Я смотрел, как он жует. Было что-то профессиональное в сосредоточенном движении его нижней челюсти. Проглотив, он сказал:

– Нет, все-таки синтетика никогда не сравняется с натуральным продуктом. Не та гамма. – Он подвигал губами, тихонько чмокнул и продолжал: – Есть два превосходных оте-

ля в центре города, но, по-моему...

– Да, это тоже не годится, – сказал я. – Отель налагает определенные обязательства. И я не слыхал, чтобы кто-нибудь мог написать в отеле что-либо путное.

– Ну, это не совсем так, – возразил Амад, критически разглядывая оставшийся ломтик. – Я читал одну книжку, и там было написано, что ее сочинили именно в отеле. Отель «Флорида».

– А, – сказал я. – Вы правы. Но ведь ваш город не обстреливают из пушек.

– Из пушек? Конечно, нет. Во всяком случае, не как правило.

– Я так и думал. А между тем замечено, что хорошую вещь можно написать только в обстреливаемом отеле.

Амад все-таки взял ломтик.

– Это трудно устроить, – сказал он. – В наше время трудно достать пушку. Кроме того, это очень дорого: отель может потерять клиентуру.

– Отель «Флорида» тоже потерял в свое время клиентуру. Хемингуэй жил там один.

– Кто?

– Хемингуэй.

– А... Но это же было так давно, еще при фашистах. Времена все-таки переменялись, Иван.

– Да, – сказал я. – И в наше время писать в отелях не имеет смысла.

– Бог с ними, с отелями, – сказал Амад. – Я знаю, что вам нужно. Вам нужен пансионат. – Он достал записную книжку. – Называйте условия, попробуем подобрать что-нибудь подходящее.

– Пансионат, – сказал я. – Не знаю. Не думаю, Амад. Вы поймите, я не хочу знакомиться с людьми, с которыми я знакомиться не хочу. Это во-первых. Во-вторых. Кто живет в частных пансионатах? Те же самые курортники, у которых не хватило денег на отдельный коттедж. Они тоже веселятся добросовестно. Они устраивают пикники, междусобойчики и спевки. Ночью они играют на банджо. Кроме того, они хватают всех, до кого могут дотянуться, и принуждают участвовать в конкурсе на самый долгий поцелуй. И главное – все они приезжие. А меня интересует ваша страна, Амад. Ваш город. Ваши горожане. Я вам скажу, что мне нужно. Мне нужен уютный домик с садом. Умеренное расстояние до центра. Нешумная семья, почтенная хозяйка. Крайне желательно молодая дочка. Представляете, Амад?

Амад взял пустые стаканы, отправился к стойке и вернулся с полными. Теперь в стаканах была бесцветная жидкость, а на тарелочках – микроскопические многоэтажные бутерброды.

– Я знаю такой уютный домик, – заявил Амад. – Вдове сорок пять, дочери двадцать, сыну одиннадцать. Допьем и поедем. Я думаю, вам понравится. Плата обычная, хотя, конечно, дороже, чем в пансионате. Вы надолго приехали?

– На месяц.

– Господи! Всего-то?

– Не знаю, как пойдут дела. Может быть, задержусь еще.

– Обязательно задержитесь, – сказал Амад. – Я вижу, вы совсем не представляете, куда приехали. Вы просто не знаете, как у нас тут весело и ни о чем не надо думать.

Мы допили, поднялись и пошли через площадь под горячим солнцем к стоянке автомобилей. Амад шагал быстро, немного вразвалку, надвинув зеленый козырек на глаза и небрежно помахивая чемоданом. Из таможенного павильона сыпалась очередная порция туристов.

– Хотите – честно? – сказал вдруг Амад.

– Хочу, – сказал я. Что я еще мог сказать? Сорок лет прожил на свете, но так и не научился вежливо уклоняться от этого неприятного вопроса.

– Ничего вы здесь не напишете, – сказал Амад. – Трудно у нас что-нибудь написать.

– Написать что-нибудь всегда трудно, – сказал я. А хорошо все-таки, что я не писатель.

– Охотно верю. Но в таком случае у нас это просто невозможно. Для приезжего, по крайней мере.

– Вы меня пугаете.

– А вы не бойтесь. Вы просто не захотите здесь работать. Вы не усидите за машинкой. Вам будет обидно сидеть за машинкой. Вы знаете, что такое радость жизни?

– Как вам сказать...

– Ничего вы не знаете, Иван. Пока вы еще ничего об этом не знаете. Вам предстоит пройти двенадцать кругов рая. Смешно, конечно, но я вам завидую...

Мы остановились у длинной открытой машины. Амад бросил на заднее сиденье чемодан и распахнул передо мной дверцу.

– Прошу, – сказал он.

– А вы, значит, уже прошли? – спросил я, усаживаясь.

Он уселся за руль и включил двигатель.

– Что именно?

– Двенадцать кругов рая.

– Я, Иван, уже давно выбрал себе излюбленный круг, – сказал Амад. Машина бесшумно покатила по площади. – Остальные для меня давно уже не существуют. К сожалению. Это как старость. Со всеми ее привилегиями и недостатками.

Машина промчалась через парк и понеслась по прямой тенистой улице. Я с интересом посматривал по сторонам, но я ничего не узнавал. Глупо было надеяться узнать что-нибудь. Нас высаживали ночью, лил дождь, семь тысяч измученных курортников стояли на пирсах, глядя на догорающий лайнер. Города мы не видели, вместо города была черная мокрая пустота, мигающая красными вспышками. Там трещало, бухало, раздирающе скрежетало. «Перебьют нас, как кроликов, в темноте», – сказал Роберт, и я сейчас же погнал его обратно на паром сгружать броневик. Трап подломился, и броневик

упал в воду, и, когда Пек вытащил Роберта, синий от холода Роберт подошел ко мне и сказал, лязгая зубами: «Я же вам говорил, что темно...»

Амад вдруг сказал:

– Когда я был мальчишкой, я жил возле порта, и мы ходили сюда бить заводских. У них у многих были кастеты, и мне проломил нос. Полжизни я проходил с кривым носом, пока не починил его в прошлом году... Любил я подраться в молодости. У меня был кусок свинцовой трубы, и один раз я отсидел шесть месяцев, но это не помогло.

Он замолчал ухмыляясь. Я подождал немного и сказал:

– Хорошую свинцовую трубу теперь не достать. Теперь в моде резиновые дубинки – перекупают у полицейских.

– Точно, – сказал Амад. – Или купит гантели, отпилит один шарик и пользуется. Но ребята пошли уже не те. Теперь за это высылают...

– Да, – сказал я. – А чем вы еще занимались в молодости?

– А вы?

– Я собирался стать межпланетником и тренировался на перегрузки. И еще мы играли в «кто глубже нырнет».

– Мы тоже, – сказал Амад. – На десять метров за автоматами и виски. Там, за пирсами, они лежали ящиками. У меня из носа шла кровь... А когда началась заварушка, мы стали там находить покойников с рельсом на шее и бросили это дело.

– Очень неприятное зрелище – покойник под водой, – ска-

зал я. – Особенно когда течение.

Амад усмехнулся.

– Я видывал и не такое. Мне приходилось работать в полиции.

– Это уже после заварушки?

– Гораздо позже. Когда вышел закон о гангстерах.

– У вас их тоже называли гангстерами?

– А как их еще называть? Не разбойниками же... «Шайка разбойников, вооруженных огнеметами и газовыми бомбами, осадила муниципалитет», – произнес он с выражением. – Не звучит, чувствуете? Разбойник – это топор, кистень, усы до ушей, тесак...

– Свинцовая труба, – предложил я.

Амад хохотнул.

– Что вы делаете сегодня вечером? – спросил он.

– Гуляю.

– У вас тут есть знакомые?

– Есть. А что?

– Тогда другое дело.

– Почему?

– Хотел я вам кое-что предложить, но раз у вас есть знакомые...

– Между прочим, – сказал я, – кто у вас мэром?

– Мэром? Черт его знает, не помню. Выбирали кого-то...

– Не Пек Зенай случайно?

– Не знаю, – сказал Амад с сожалением. – Не хочу врать.

– А вы такого вообще не знаете?

– Зенай... Пек Зенай... Нет, не знаю. Не слышал. Он что, ваш приятель?

– Да. Старый приятель. У меня здесь есть еще друзья, но они все приезжие.

– Одним словом, так, – сказал Амад. – Если вам станет скучно и в голову полезут всякие мысли, приходите ко мне. Каждый божий вечер с семи часов я сижу в «Лакомке»... Любите вкусно поесть?

– Еще бы, – сказал я.

– Желудок в порядке?

– Как у страуса.

– Вот и приходите. Будет весело, и ни о чем не надо будет думать.

Амад притормозил и осторожно свернул к решетчатым воротам, которые бесшумно распахнулись перед нами. Машина вкатилась во двор.

– Приехали, – объявил Амад. – Вот ваш дом.

Дом был двухэтажный, белый с голубым. Окна изнутри были закрыты шторами. Чистенький дворик, выложенный разноцветными плитками, был пуст, вокруг был плодовый сад, ветви яблонь царапали стены.

– А где вдова? – спросил я.

– Пойдемте в дом, – сказал Амад.

Он поднялся на крыльцо, листая записную книжку. Я, озираясь, шел следом. Садик мне нравился. Амад нашел

нужную страницу, набрал комбинацию цифр на маленьком диске возле звонка, и дверь отворилась. Из дома пахло прохладным свежим воздухом. Там было темно, но, едва мы ступили в холл, вспыхнул свет. Амад сказал, пряча записную книжку:

– Направо – хозяйская половина, налево – ваша. Прошу... Здесь гостиная. Это бар, сейчас мы выпьем. Прошу дальше... Это ваш кабинет. У вас есть фонарь?

– Нет.

– И не надо. Здесь все есть... Пройдемте сюда. Это спальня. Вот пульт акустической защиты. Умеете пользоваться?

– Разберусь.

– Хорошо. Защита трехслойная, можете устраивать себе здесь могилу или бордель, что вам понравится... Тут управление кондиционированием. Сделано, между прочим, неудобно: управлять можно только из спальни...

– Перебьюсь, – сказал я.

– Что? Ну да... Там ванная и туалет.

– Меня интересует вдова, – сказал я. – И дочка.

– Успеете. Поднять шторы?

– Зачем?

– Правильно, незачем... Пойдемте выпьем.

Мы вернулись в гостиную, и Амад по пояс погрузился в бар.

– Вам покрепче? – спросил он.

– Наоборот.

– Яичницу? Сэндвичи?

– Пожалуй, ничего.

– Нет, – сказал Амад. – Яичницу. С томатами. – Он рылся в баре. – Не знаю, в чем тут дело, но этот автомат готовит совершенно изумительные яичницы с томатами... Кстати, и я тоже перекушу.

Он вытянул из бара поднос и поставил на низенький столик перед полукруглой тахтой. Мы уселись.

– А как насчет вдовы? – напомнил я. – Мне бы хотелось представиться.

– Комнаты вам нравятся?

– Ничего.

– Ну и вдова тоже вполне ничего. И дочка, между прочим. – Он достал из бокового кармана плоский кожаный футляр. В футляре, как патроны в обойме, рядом лежали ампулы с разноцветными жидкостями. Амад покопался в них указательным пальцем, сосредоточенно понюхал яичницу, поколебался, потом выбрал ампулу с чем-то зеленым и, осторожно надломив, покапал на томаты. В гостиной запахло. Запах не был неприятным, но, на мой вкус, не имел отношения к еде. – Но сейчас они еще спят, – продолжал Амад. Взгляд его стал рассеянным. – Спят и видят сны...

Я посмотрел на часы.

– Однако!

Амад кушал.

– Половина одиннадцатого, – сказал я.

Амад кушал. Шапочка его была сдвинута на затылок, и зеленый козырек торчал вертикально, как гребень у раздраженного мимикродона. Глаза его были полузакрыты. Я смотрел на него.

Проглотив последний ломтик помидора, он отломил корочку белого хлеба и тщательно подчистил сковородку. Взгляд его прояснился.

– Что вы там такое говорили? – спросил он. – Половина одиннадцатого? Завтра вы тоже встанете в половине одиннадцатого. А может быть, и в двенадцать. Я, например, встану в двенадцать.

Он поднялся и с удовольствием потянулся, хрустя суставами.

– Фу, – сказал он, – можно наконец ехать домой. Вот вам моя карточка, Иван. Поставьте ее на письменный стол и не выбрасывайте до самого отъезда... – Он подошел к плоскому ящичку возле бара и сунул в щель другую карточку. Раздался звонкий щелчок. – А вот это, – сказал он, разглядывая карточку на просвет, – передайте вдове с моими наилучшими пожеланиями.

– И что будет? – спросил я.

– Будут деньги. Надеюсь, вы не любитель торговаться, Иван? Вдова назовет вам цифру, и вам не следует торговаться. Это не принято.

– Постараюсь не торговаться, – сказал я. – Хотя интересно было бы попробовать.

Амад поднял брови.

– Ну, если вам так уж хочется, то отчего же не попробовать? Всегда делайте только то, что вам хочется, и у вас будет отличное пищеварение. Сейчас я принесу ваш чемодан.

– Мне нужны проспекты, – сказал я. – Мне нужны путеводители. Я писатель, Амад. Мне понадобятся брошюры об экономическом положении масс, статистические справочники. Где все это можно достать? И когда?

– Путеводитель я вам дам, – сказал Амад. – В путеводителе есть статистика, адреса, телефоны и все такое. А что касается масс, то у нас такой ерунды, по-моему, не издают. Можно, конечно, послать заказ в ЮНЕСКО, только зачем это вам? Сами все увидите... Подождите, я сейчас принесу чемодан и путеводитель.

Он вышел и быстро вернулся с чемоданом в одной руке и с толстеньким голубым томиком в другой. Я встал.

– Судя по вашему лицу, – произнес он, улыбаясь, – вы раздумываете, прилично давать мне чаевые или нет.

– Признаться, да, – сказал я.

– Ну и как? Хочется вам это сделать или нет?

– Признаться, нет, – сказал я.

– У вас здоровая, крепкая натура, – одобрительно сказал Амад. – Не давайте. Никому не давайте чаевых. Можете получить по морде, особенно от девушек. Но зато никогда не торгуйтесь. Тоже можете получить. А вообще все это ерунда. Откуда я знаю, может, вы любите получать по морде, как тот

самый Джонатан Крайс... Будьте здоровы, Иван. Развлекайтесь. И приходите в «Лакомку». В любой вечер с семи часов. А самое главное – ни о чем не думайте.

Он помахал рукой и вышел. Я сел, взял запотевший стакан со смесью и раскрыл путеводитель.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Путеводитель был отпечатан на меловой бумаге с золотым обрезом. Вперемежку с роскошными фотографиями в нем содержались любопытные сведения. В городе проживало пятьдесят тысяч человек, полторы тысячи кошек, двадцать тысяч голубей и две тысячи собак (в том числе семьсот медалисток). В городе было пятнадцать тысяч легковых автомобилей, пятьсот вертолетов, тысяча такси (с шоферами и без), девятьсот автоматических мусорщиков, четыреста постоянных баров, кафе и закусочных, одиннадцать ресторанов, четыре отеля международного класса и курорт, ежегодно обслуживающий до ста тысяч человек. В городе было шестьдесят тысяч телевизоров, пятьдесят кинотеатров, восемь увеселительных парков, два Салона Хорошего Настроения, шестнадцать салонов красоты, сорок библиотек и сто восемьдесят парикмахерских автоматов. Восемьдесят процентов взрослого населения было занято в сфере обслуживания, а остальные работали на двух частных кондитерских синтез-комбинатах и одном государственном судоремонтном заводе. В городе было шесть школ и один университет, помещавшийся в древнем замке крестоносца Ульриха де Казы. В городе функционировали восемь гражданских обществ, в том числе «Общество Усердных Дегустаторов», «Общество Знатоков и Ценителей» и «За Старую Добрую

Родиону, Против Вредных Влияний». Кроме того, полторы тысячи человек входили в семьсот один кружок, где они пели, играли скетчи, учились расставлять мебель, кормить детей грудью и лечить кошек. По потреблению спиртных напитков, натурального мяса и жидкого кислорода на душу населения город занимал в Европе соответственно шестое, двенадцатое и тринадцатое места. В городе было семь мужских и пять женских клубов, а также спортивные клубы «Быки» и «Носороги». Мэром города был избран (большинством в сорок шесть голосов) некто Флим Гао. Среди членов муниципалитета Пека тоже не оказалось...

Я отложил путеводитель, снял пиджак и приступил к подробному осмотру своих владений. Гостиная мне понравилась. Она была выполнена в голубых тонах, а я люблю этот цвет. Бар оказался набит бутылками и охлажденной снедью, так что я мог хоть сейчас принять дюжину изголодавшихся гостей.

Я прошел в кабинет. В кабинете перед окном стоял большой стол с удобным креслом. Вдоль стен тянулись полки, плотно уставленные собраниями сочинений. Чистые яркие корешки расположены были с большим искусством, так что составляли приятную цветовую гамму. Верхнюю полку занимал пятидесятитомный энциклопедический словарь в издании ЮНЕСКО, а на нижней пестрели детективы в глянцевых бумажных обложках.

На столе я прежде всего увидел телефон. Я взял трубку

и, присев на подлокотник кресла, набрал номер Римайера. В трубке раздались протяжные гудки. Я ждал, вертя в пальцах маленький диктофон, оставленный кем-то на столе. Римайер не отвечал. Я повесил трубку и осмотрел диктофон. Пленка была наполовину использована, и, перемотав ее, я включил прослушивание.

– Привет, привет и еще раз привет! – произнес веселый мужской голос. – Крепко жму руку или целую в щечку в зависимости от твоего пола и возраста. Я прожил здесь два месяца и свидетельствую, что мне было хорошо. Позволь дать несколько советов. Лучшее заведение в городе – это «Хойти-Тойти» в Парке Грез. Лучшая девочка в городе – Бася из Дома Моделей. Лучший мальчик в городе – это я, но он уже уехал. По телевидению смотри девятую программу, остальное все моча. Не связывайся с интелеями и держись подальше от «Носорогов». Ничего не бери в кредит – хлопот не оберешься. Вдова – добрая женщина, но любит поговорить и вообще... А Вузи я не застал, она уезжала к бабушке за границу. По-моему, она милашка, у вдовы в альбоме была фотография, но я ее взял себе. И еще. Я приеду сюда в будущем году в марте, так что будь другом, если решишь вернуться – выбери другое время. Ну, будь...

Забренчала музыка. Я послушал немного и выключил диктофон. Ни один из томов сочинений мне вытащить не удалось, так плотно они были вбиты и, может быть, даже склеены, а больше в кабинете ничего интересного не оказа-

лось, и я отправился в спальню.

В спальне было особенно прохладно и уютно. Мне всегда хотелось иметь именно такую спальню, но никак не хватало времени этим заняться. Кровать была большая и низкая. На ночном столике стоял очень изящный фонор и маленький переносной пульт управления телевизором. Экран телевизора висел на высокой спинке кровати, в ногах. А над изголовьем вдова навесила картину, очень натурально изображающую свежие полевые цветы в хрустальной вазе. Картина была выполнена светящимися красками, и капли росы на лепестках цветов поблескивали в сумраке спальни.

Я наобум включил телевизор и повалился на кровать. Было мягко и в то же время как-то упруго. Телевизор заорал. Из экрана выскочил нетрезвый мужчина, проломил какие-то перила и упал с высоты в огромный дымящийся чан. Раздался шумный всплеск, из фонора запахло. Мужчина скрылся в бурлящей жидкости, а затем вынырнул, держа в зубах что-то вроде разваренного ботинка. Невидимая аудитория разразилась ржанием... Затемнение. Тихая лирическая музыка. Из зеленого леса на меня пошла белая лошадь, запряженная в бричку. В бричке сидела хорошенькая девушка в купальнике. Я выключил телевизор, поднялся и заглянул в ванную.

В ванной пахло хвоей и мигали бактерицидные лампы. Я разделся, бросил белье в утилизатор и залез под душ. Потом я неторопливо оделся перед зеркалом, причесался и стал бриться. На туалетной полке стояли ряды флаконов, коробки

с гигиеническими присосками и стерилизаторами, тюбики с пастами и мазями. А на краю полки лежала горка плоских коробочек с пестрой этикеткой «Девон». Я выключил бритву и взял одну коробочку. В зеркале мигала бактерицидная трубка, и точно так же она мигала тогда, и я точно так же стоял перед зеркалом и старательно разглядывал такую же коробочку, потому что мне не хотелось выходить в спальню, где Рафка Рейзман громко спорил о чем-то с врачом, а в ванне еще колыхалась зеленая маслянистая вода, и над нею поднимался пар, и орал приемник, висевший на фарфоровом крючке для полотенец, завывал, гукал и всхрапывал, пока Рафка не выключил его с раздражением... Это было в Вене, и там, точно так же как и здесь, очень странно было видеть в ванной комнате «Девон» – популярный репеллент, великолепно отгоняющий комаров, москитов, мошку и прочих кровососов, о которых давным-давно забыли и в Вене, и здесь, в приморском курортном городе... Только в Вене было еще и страшно.

Коробочка, которую я держал в руке, была почти пуста: в ней осталась всего одна таблетка. Остальные коробочки не были распечатаны. Я кончил бриться и вернулся в спальню. Мне захотелось снова позвонить Римайеру, но тут дом ожил. С легким свистом взвились гофрированные шторы, оконные стекла скользнули в пазы, и в спальню хлынул из сада теплый воздух, пахнувший яблоками. Кто-то где-то заговорил, над головой прозвучали легкие шаги, и строгий женский го-

лос сказал: «Вузи! Скушай хоть пирожок, слышишь?..» Тогда я быстро сообщил одежде некоторую небрежность (в соответствии с нынешней модой), пригладил виски и вышел в холл, захватив в гостиной карточку Амада.

Вдова оказалась моложавой полной женщиной, несколько томной, со свежим приятным лицом.

– Как мило! – сказала она, увидев меня. – Вы уже встали? Здравствуйте. Меня зовут Вайна Туур, но вы можете звать меня просто Вайна.

– Очень приятно, – произнес я, светски содрогаясь. – Меня зовут Иван.

– Как мило! – сказала тетя Вайна. – Какое оригинальное, мягкое имя! Вы завтракали, Иван?

– С вашего позволения, я намеревался позавтракать в городе, – сказал я и протянул ей карточку.

– Ах, – сказала тетя Вайна, разглядывая ее на просвет. – Этот милый Амад... Если бы вы знали, какой это обязательный и милый человек! Но я вижу, что вы не завтракали... Ленч вы скушаете в городе, а сейчас я угощу вас своими гренками. Генерал-полковник Туур говорил, что нигде в мире нельзя отведать такие гренки.

– С удовольствием, – сказал я, содрогаясь вторично.

Дверь за спиной тети Вайны распахнулась, и в холл, звонко стуча каблучками, влетела очень хорошенькая девушка в короткой синей юбке и открытой белой блузке. В руке у нее был огрызок пирожка, она жевала и напевала через нос мод-

ный мотивчик. Увидев меня, она остановилась, лихо перекинула через плечо сумочку на длинном ремешке и, нагнув голову, сделала глоток.

– Вузи, – сказала тетя Вайна, поджимая губы. – Вузи, это Иван.

– Ничего себе! – воскликнула Вузи. – Привет!

– Вузи! – укоризненно сказала тетя Вайна.

– Вы с женой приехали? – спросила Вузи, протягивая руку.

– Нет, – сказал я. Пальцы у нее были прохладные и мягкие. – Я один.

– Тогда я вам все покажу, – сказала она. – До вечера. Сейчас мне надо бежать. А вечером ходим.

– Вузи! – укоризненно сказала тетя Вайна.

– Обязательно, – сказал я.

Вузи засунула в рот остаток пирожка, чмокнула мать в щеку и помчалась к выходу. У нее были гладкие загорелые ноги, длинные, стройные, и стриженный затылок.

– Ах, Иван, – сказала тетя Вайна, тоже глядя ей вслед, – в наше время так трудно с молодыми девушками! Так рано развиваются, так быстро нас покидают... С тех пор как она поступила в этот салон...

– Она у вас портниха? – осведомился я.

– О нет! Она работает в Салоне Хорошего Настроения, в отделе для престарелых женщин. И вы знаете, ее там ценят. Но в прошлом году она однажды опоздала, и теперь ей

приходится быть очень осторожной. Вы сами видите, она не смогла даже с вами прилично поговорить, но вполне возможно, что ее уже ждет клиент... Вы можете не поверить, но у нее уже есть постоянная клиентура... Впрочем, что же мы здесь стоим? Гренки остынут...

Мы вошли на хозяйскую половину. Я изо всех сил старался держаться как подобает, хотя как именно подобает, я представлял себе довольно смутно. Тетя Вайна усадила меня за столик, извинилась и вышла. Я огляделся. Это была точная копия моей гостиной, только стены были не голубые, а розовые, и за верандой было не море, а низкая ограда, отделяющая дворик от улицы. Тетя Вайна вернулась с подносом и поставила передо мной чашку с топлеными сливками и тарелочку с гренками.

– Вы знаете, я тоже позавтракаю, – сказала она. – Мой врач не рекомендует мне завтракать вообще и, уж во всяком случае, топлеными сливками, но мы так привыкли... Это любимый завтрак генерал-полковника. И вы знаете, я стараюсь брать только постояльцев-мужчин, этот милый Амад хорошо понимает меня. Он понимает, как это нужно мне – хоть изредка посидеть вот так, как мы сидим сейчас с вами за чашечкой топленых сливок...

– Ваши сливки изумительно хороши, – заметил я довольно искренне.

– Ах, Иван! – Тетя Вайна поставила чашку и слегка всплеснула руками. – Ведь вы сказали это почти так же,

как генерал-полковник... И как странно, вы даже похожи на него. Только лицо у него было немного уже, и он завтракал всегда в мундире...

– Да, – сказал я с сожалением. – Мундира у меня нет.

– Но ведь был когда-то! – сказала она, лукаво грозя мне пальчиком. – Я ведь вижу. Ах, как это бессмысленно! Люди теперь вынуждены стесняться своего военного прошлого. Как это глупо, не правда ли? Но их всегда выдает выправка, совершенно особенная мужественная осанка. Этого не скроешь, Иван.

Я сделал сложный неопределенный жест и, сказавши: «Мда», взял гренок.

– Как все это нелепо, не правда ли? – с живостью продолжала тетя Вайна. – Как можно смешивать такие разнородные понятия – война и армия? Мы все ненавидим войну. Война – это ужасно. Моя мать рассказывала мне, она была тогда девочкой, но все помнит: вдруг приходят солдаты, грубые, чужие, говорят на чужом языке, отрыгиваются, офицеры так бесцеремонны и так некультурны, громко хохочут, обижают горничных, простите, пахнут, и этот бессмысленный комендантский час... Но ведь это война! Она достойна всяческого осуждения! И совсем иное дело – армия. Вы знаете, Иван, вы должны помнить эту картину: войска, выстроенные побатальонно, строгость линий, мужественные лица под касками, оружие блестит, аксельбанты сверкают, а потом командующий на специальной военной машине объезжает фронт,

здоровается, и батальоны отвечают послушно и кратко, как один человек!

– Несомненно, – сказал я. – Несомненно, это многих впечатляло.

– Да! И очень многих! У нас всегда говорили, что надо непременно разоружаться, но разве можно уничтожать армию? Это последнее прибежище мужества в наше время повсеместного падения нравов. Это дико, это смешно – государство без армии...

– Смешно, – согласился я. – Вы не поверите, но с самого подписания Пакта я не перестаю улыбаться.

– Да, я понимаю вас, – сказала тетя Вайна. – Нам больше ничего не оставалось делать. Нам оставалось только саркастически улыбаться. Генерал-полковник Туур, – она достала платочек, – он так и умер с саркастической усмешкой на устах... – Она приложила платочек к глазам. – Он говорил нам: «Друзья, я еще надеюсь дожить до того дня, когда все развалится». Надломленный, потерявший смысл существования... Он не вынес пустоты в сердце... – Она вдруг встрепенулась. – Вот взгляните, Иван.

Она резво выбежала в соседнюю комнату и принесла тяжелый старомодный фотоальбом. Я сейчас же поглядел на часы, но тетя Вайна не обратила на это внимания и, усевшись рядом, раскрыла альбом на самой первой странице.

– Вот генерал-полковник.

Генерал-полковник был орел. У него было узкое костя-

стое лицо и прозрачные глаза. Его длинное тело усеивали ордена. Самый большой орден в виде многоконечной звезды, обрамленной лавровым венком, сверкал в районе аппендикса. В левой руке генерал сжимал перчатки, а правая покоилась на рукоятке кортика. Высокий воротник с золотым шитьем подпирал нижнюю челюсть.

– А это генерал-полковник на маневрах.

Генерал-полковник и здесь был орел. Он давал указания своим офицерам, склонившимся над картой, развернутой на лобовой броне гигантского танка. По форме траков и по зализанным очертаниям смотровой башни я узнал тяжелый штурмовой танк «мамонт», предназначенный для преодоления зоны атомных ударов, а ныне успешно используемый глубоководниками.

– А это генерал-полковник в день своего пятидесятилетия.

Генерал-полковник был орлом и здесь. Он стоял у накрытого стола с бокалом в руке и слушал тост в свою честь. Нижний левый угол фотографии занимала размытая лысина с электрическим бликом, а рядом с генералом, восхищенно глядя на него снизу вверх, сидела очень молодая и очень милостивая тетя Вайна. Я попробовал украдкой определить на ощупь толщину альбома.

– А это генерал-полковник на отдыхе.

Даже на отдыхе генерал-полковник оставался орлом. Широко расставив ноги, он стоял на пляже в тигровых плавках и

рассматривал в полевой бинокль туманный горизонт. У его ног копошился в песке голый ребенок трех или четырех лет. Генерал был жилист и мускулист, гренки и сливки не портили его фигуру. Я принялся шумно заводить часы.

– А это... – начала тетя Вайна, переворачивая страницу, но тут в гостиную без стука вошел невысокий полный человек, лицо и особенно одежда которого показались мне необычайно знакомыми.

– Доброе утро, – произнес он, слегка склонив набок гладкое улыбающееся лицо.

Это был давешний таможенник все в том же белом мундире с серебряными пуговицами и серебряными шнурами на плечах.

– Ах, Пети! – сказала тетя Вайна. – Ты уже пришел? Познакомься, пожалуйста, это Иван... Иван, это Пети, друг нашего дома.

Таможенник повернулся ко мне, не узнавая, коротко наклонил голову и щелкнул каблуками. Тетя Вайна переложила альбом ко мне на колени и поднялась.

– Садись, Пети, – сказала она, – я принесу тебе сливок.

Пети еще раз щелкнул каблуками и сел рядом со мной.

– Не желаете ли поинтересоваться? – сейчас же осведомился я, перекладывая альбом со своих колен на колени таможенника. – Вот это генерал-полковник Туур. Это он просто так. (В глазах таможенника появилось странное выражение.) А вот здесь генерал-полковник на маневрах. Видите?

А вот здесь...

– Благодарю вас, – отрывисто сказал таможенник. – Не утруждайтесь, потому что...

Вернулась с гренками и сливками тетя Вайна. Еще с порога она сказала:

– Как приятно видеть человека в мундире, не правда ли, Иван? – Она поставила поднос на столик. – Пети, ты сегодня рано. Что-нибудь случилось? Прекрасная сегодня погода, такое солнце...

Сливки для Пети были налиты в особенную чашку, на которой красовался вензель «Т», осененный четырьмя звездочками.

– Ночью шел дождь, я просыпалась, значит, были тучи, – продолжала тетя Вайна. – А сейчас, взгляните, ни одного облачка... Еще чашечку, Иван?

Я встал.

– Благодарю вас, я сыт. Позвольте мне откланяться. У меня назначено деловое свидание.

Осторожно закрывая за собой дверь, я услышал, как вдова сказала: «Ты не находишь, что он удивительно похож на штаб-майора Пола?..»

В спальне я распаковал чемодан и переложил одежду в стенной шкаф, и снова позвонил Римайеру. К телефону опять никто не подошел. Тогда я сел за стол в кабинете и принялся исследовать ящики. В одном из ящиков обнаружилась портативная пишущая машинка, в другом – почтовый набор

и пустая бутылка из-под смазки для аритмичных двигателей. Остальные ящики были пусты, если не считать пачки смятых квитанций, испорченной авторучки и небрежно сложенного листка, разрисованного рожицами. Я развернул листок. Видимо, это был черновик телеграммы. «Грин умер у рыбарей получай тело воскресенье соболезнаем Хугер Марта мальчики». Я дважды прочел написанное, перевернул листок, изучил рожицы и прочел в третий раз. Видимо, Хугеру и Марте было невдомек, что нормальные люди, сообщая о смерти, говорят в первую очередь, отчего или как умер человек, а не у кого он там умер. Я бы написал: «Грин утонул во время рыбной ловли». В пьяном виде, вероятно. Кстати, какой у меня теперь адрес?

Я вернулся в холл. У двери в хозяйскую половину сидел на корточках худенький мальчик в коротких штанишках. Зажав под мышкой длинную серебристую трубку, он, сопя и пыхтя, торопливо разматывал клубок бечевки. Я подошел к нему и сказал:

– Привет.

Реакция у меня не та, что прежде, но все-таки я успел увернуться. Длинная черная струя пролетела у меня над ухом и плюхнулась в стену. Я изумленно глядел на мальчишку, а он глядел на меня, лежа на боку и выставив перед собой свою трубку. Лицо его было мокрое, рот открыт и перекошен. Я оглянулся на стену. По стене текло черное. Я снова посмотрел на мальчика. Он медленно поднимался, не опус-

кая трубки.

– Что-то ты, брат, нервный, – произнес я.

– Вы стойте, где стоите, – хрипло сказал мальчик. – Я вашего имени не называл.

– Да уж куда там, – сказал я. – Ты и своего не называл, а палишь в меня, как в чучело.

– Вы стойте, где стоите, – повторил мальчик. – И не двигайтесь. – Он попятился и вдруг забормотал скороговоркой: – Уйди от волос моих, уйди от костей моих, уйди от мяса моего...

– Не могу, – сказал я. Я все старался понять, играет он или действительно меня боится.

– Почему? – растерянно спросил мальчик. – Я все говорю как надо.

– Я не могу уйти, не двигаясь, – объяснил я. – И стоя, где стою.

Рот у него снова приоткрылся.

– Хугер, – сказал он неуверенно. – Говорю тебе, Хугер: сгинь!

– Почему Хугер? – удивился я. – Ты меня с кем-то путаешь. Я не Хугер, я Иван.

Тогда мальчик вдруг закрыл глаза и пошел на меня, наклонив голову и выставив перед собой свою трубку.

– Я сдаюсь, – предупредил я. – Смотри не выпали.

Когда трубка уперлась мне в живот, он выронил ее и, опустив руки, весь как-то обмяк. Я наклонился и заглянул ему

в лицо. Теперь он был красный. Я поднял трубку. Это было что-то вроде игрушечного автомата – с удобной рифленой рукояткой и с плоским прямоугольным баллончиком, который вставлялся снизу, как магазин.

– Что это за штука? – спросил я.

– Ляпник, – сказал он угрюмо. – Дайте сюда.

Я отдал ему игрушку.

– Ляпник, – сказал я. – Которым, значит, ляпают. А если бы ты в меня попал? – Я посмотрел на стену. – Надо же, теперь это за год не отмыть, придется стену менять.

Мальчик недоверчиво посмотрел на меня снизу вверх.

– Это же ляпа, – сказал он.

– Да? А я-то думал – лимонад.

Лицо его приобрело наконец нормальную окраску и обнаружило определенное сходство с мужественными чертами генерал-полковника Туура.

– Да нет, – сказал он. – Это ляпа.

– Ну?

– Она высохнет.

– И тогда уже все окончательно пропало?

– Да нет же. Просто ничего не останется.

– Гм, – сказал я с сомнением. – Впрочем, тебе виднее. Будем надеяться на лучшее. Но я все-таки очень рад, что ничего не останется на стене, а не на моей физиономии. Как тебя зовут?

– Зигфрид, – сказал мальчик.

– А подумавши?

Он посмотрел на меня.

– Люцифер.

– Как?

– Люцифер.

– Люцифер, – сказал я. – Велиал. Астарет. Вельзевул и Азраил. А покорооче у тебя ничего нет? Очень неудобно звать на помощь человека по имени Люцифер.

– Двери же закрыты, – сказал он и отступил на шаг. Лицо его снова побледнело.

– Ну и что?

Он не ответил и снова начал пятиться, уперся спиной в стену и пошел боком, прижимаясь к ней и не сводя с меня глаз. Я понял наконец, что он принял меня то ли за вора, то ли за убийцу и хочет удрать, но почему-то он не звал на помощь и почему-то не заскочил в комнату матери, а прокрался мимо ее двери и продолжал красться вдоль стены к выходу из дома.

– Зигфрид, – сказал я. – Зигфрид-Люцифер, ты ужасный трус. За кого ты меня принимаешь? – Я нарочно не двигался с места и только поворачивался вслед за ним. – Я ваш новый жилец, твоя мама напоила меня сливками и накормила меня гренками, а ты чуть не заляпал меня и теперь сам же меня боишься. Это я должен тебя бояться.

Все это очень напоминало одну сцену в Аньюдинском интернате, когда мне привезли почти такого же мальчика, сына

хлыста. Елки-палки, неужели я до такой степени похож на гангстера?

– Ты похож на мускусную крысу Чучундру, – сказал я, – которая всю свою жизнь плакала, потому что у нее не хватало духу выйти на середину комнаты. У тебя от страха стал голубой нос, уши сделались холодными, а штанишки – мокрыми, и ты оставляешь за собой ручеек...

В таких случаях абсолютно все равно, что говорить. Важно говорить спокойно и не делать резких движений. Выражение его лица не менялось, но, когда я сказал о ручейке, он на секунду скосил глаза, чтобы посмотреть. Всего на секунду. Затем он прыгнул к выходной двери, забился возле нее, дергая засов, и вылетел во двор – только мелькнули грязные подошвы сандалий. Я вышел за ним.

Он стоял в кустах сирени, так что мне видно было только его бледное лицо. Словно удирающая кошка остановилась на миг, чтобы поглядеть через плечо.

– Ну ладно, – сказал я. – Объясни мне, пожалуйста, что я должен делать. Мне надо сообщить домой свой новый адрес. Адрес вот этого самого дома. Дома, в котором я теперь живу.

Он молча смотрел на меня.

– К твоей маме мне идти неудобно. Во-первых, у нее гости, а во-вторых...

– Вторая Пригородная, семьдесят восемь, – сказал он.

Я не торопясь уселся на крыльце. Между нами было метров десять.

– Ну и голосок у тебя! – сказал я доверительно. – Как у моего знакомого бармена из Мирза-Чарле.

– Когда вы приехали? – спросил он.

– Да вот... – Я посмотрел на часы. – Часа полтора назад.

– Тут до вас жил один, – сказал он и стал глядеть в сторону. – Дрянь-человек. Подарил мне плавки, полосатые, я полез купаться, а они в воде растаяли.

– Ай-яй-яй! – сказал я. – Это же чудовище какое-то, а не человек. Его надо было утопить в ляпе.

– Я не успел, – сказал мальчик. – Я хотел, да он уже уехал.

– Это тот самый Хугер? – спросил я. – С Мартой и мальчиками?

– Нет. Откуда вы взяли? Хугер уже потом жил.

– Тоже дрянь-человек?

Он не ответил. Я привалился спиной к стене и стал смотреть на улицу. Из ворот напротив рывками выполз автомобиль, поерзал, разворачиваясь, взревел двигателем и укатил. Сейчас же вслед за ним промчался еще один такой же автомобиль. Запахло ароматическим бензином. Потом автомобили пошли один за другим, у меня даже запестрело в глазах. В небе появилось несколько вертолетов. Это были так называемые бесшумные вертолеты. Но они летели довольно низко, и, пока они летели, разговаривать было трудно. Впрочем, мальчик разговаривать, по-видимому, не собирался. Не собирался он и выходить. Он что-то делал в кустах со своим ляпником и время от времени поглядывал на меня. Не

ляпнул бы он в меня оттуда, подумал я. Вертолеты все шли и шли, и машины все мчались и мчались, и казалось, будто все пятнадцать тысяч легковых автомобилей выкатились на Вторую Пригородную и все пятьсот вертолетов повисли над домом семьдесят восемь. Это продолжалось минут десять, мальчишка совсем перестал обращать на меня внимание, а я сидел и думал, какие вопросы придется задать Римайеру. Затем все стало как прежде: улица опустела, запах бензина рассеялся, в небе стало чисто.

– Куда это они все сразу? – спросил я.

Мальчик пошуршал в кустах.

– А вы что, не знаете? – сказал он.

– Откуда же мне знать?

– А я не знаю – откуда. Хугера-то вы откуда-то знаете...

– Хугера... – сказал я. – Хугера я знаю совершенно случайно. А про вас ничего не знаю. Как вы тут живете, чем занимаетесь... Вот что ты там сейчас делаешь?

– Предохранитель испортился.

– Так давай его сюда, я почию. Чего ты меня так боишься? Я похож на какого-нибудь дрянь-человека?

– Они все на работу поехали, – сказал мальчик.

– Поздно у вас работа начинается. Уже обедать пора, а вы еще только на работу идете... Ты знаешь, где отель «Олимпик»?

– Знаю, конечно.

– Проводишь меня?

Мальчик помедлил.

– Нет, – сказал он.

– Почему?

– Сейчас школа кончается. Мне надо домой идти.

– Ах, вот оно что! – сказал я. – Ты, значит, филонишь?

Или, как у нас говорили, мотаешь?.. И в каком же ты классе?

– В третьем.

– Я тоже когда-то учился в третьем.

Он высунулся из кустов.

– А потом?

– А потом в четвертом. – Я поднялся. – Ну ладно. Разговаривать со мной ты не хочешь, проводить меня ты не хочешь, штанишки у тебя мокрые, пойду я к себе. Ну, что смотришь? Даже не хочешь мне сказать, как тебя зовут.

Он молча глядел на меня и дышал через рот. Я пошел к себе. Кремовый холл был обезображен, как мне показалось, необратимо. Огромная угольно-черная клякса на стене не собиралась высыхать. Кому-то сегодня влетит, подумал я. Под ноги мне попался клубок бечевки. Я поднял его. Конец бечевки был привязан к ручке двери в хозяйскую половину. Так, подумал я, это мы тоже понимаем. Я отвязал бечевку и сунул клубок в карман.

В кабинете я достал из стола чистый лист бумаги и составил телеграмму Марии: «Прибыл благополучно Вторая Пригородная семьдесят восемь целую Иван». В путеводителе я нашел телефон Бюро Обслуживания, передал телеграмму и

снова позвонил Римайеру. И снова Римайер не отозвался. Тогда я надел пиджак, посмотрелся в зеркало, пересчитал деньги и собрался уже выходить, когда заметил, что дверь в гостиную приоткрыта и в щель смотрит глаз. Я, конечно, ничего не заметил. Я внимательно оглядел свой костюм спереди, вернулся в ванную и некоторое время, посвистывая, чистил себя пылесосом. Когда я вернулся в кабинет, лопухая голова, просунутая в полуоткрытую дверь, моментально скрылась – осталась торчать только серебристая трубка ляпника. Усевшись в кресло, я по очереди открыл и закрыл все двенадцать ящиков стола, включая потайные, и только тогда снова поглядел на дверь. Мальчик стоял на пороге.

– Меня зовут Лэн, – сообщил он.

– Приветствую тебя, Лэн, – сказал я рассеянно. – Меня зовут Иван. Заходи. Правда, я уже собрался обедать. Ты еще не обедал сегодня?

– Нет.

– Вот и хорошо. Сбегай, отпросись у мамы, и пойдем.

Лэн помолчал, глядя в пол.

– Еще рано, – сказал он.

– Что рано? Обедать?

– Нет, идти... туда. Школа только через двадцать минут кончается. – Он снова помолчал. – И потом, там этот толстый хмырь со шнурами.

– Дрянь-человек? – спросил я.

– Да, – сказал Лэн. – Вы правда уходите сейчас?

– Да, ухожу, – сказал я и достал из кармана клубок бечевки. – На́ вот, возьми. А если бы мать первой вышла?

Он пожал плечом.

– Если вы вправду уходите, – сказал он, – то можно, я у вас посижу?

– Ну что ж, посиди.

– А здесь больше никого нет?

– Никого.

Он так и не подошел ко мне, чтобы взять бечевку, но позволил подойти к себе и даже взять себя за ухо. Ухо действительно было холодное. Я легонько потрепал его и, подтолкнув мальчишку к столу, сказал:

– Сиди сколько хочешь. Я вернусь не скоро.

– Я тут посплю, – сказал Лэн.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отель «Олимпик» был пятнадцатипятиэтажный, красный с черным. Половина площади перед ним была заставлена автомобилями, в центре площади в маленьком цветнике возвышался монумент, изображающий человека с гордо поднятой головой. Огибая монумент, я вдруг обнаружил, что человек этот мне знаком. Я в замешательстве остановился и пригляделся. Несомненно, в смешном старомодном костюме, опираясь рукой на непонятный аппарат, который я принял было за продолжение абстрактного постамента, устремив презрительно сощуренные глаза в бесконечность, на площади перед отелем «Олимпик» стоял Владимир Сергеевич Юрковский. На постаменте золочеными буквами была вырезана надпись: «Владимир Юрковский, 5 декабря, год Весов».

Я не поверил, потому что это было совершенно невозможно. Юрковским не ставят памятников. Пока они живы, их назначают на более или менее ответственные посты, их чествуют на юбилеях, их выбирают членами академий. Их награждают орденами и удостоивают международных премий. А когда они умирают – или погибают, – о них пишут книги, их цитируют, ссылаются на их работы, но чем дальше, тем реже, а потом наконец забывают о них. Они уходят из памяти и остаются только в книгах. Владимир Сергеевич был генералом науки и замечательным человеком. Но невозможно

поставить памятники всем генералам и всем замечательным людям, тем более в странах, к которым они никогда не имели прямого отношения, и в городах, где они если и бывали, то разве что проездом... А в этом их году Весов Юрковский не был даже генералом. В марте он вместе с Дауге заканчивал исследования Аморфного Пятна на Уране, и один бомбозонд взорвался у нас в рабочем отсеке, попало всем, и, когда в сентябре мы вернулись на Планету, Юрковский был весь в сиреневых лишаях, злой и говорил, что вот вволю поплавает и позагорает и засядет за проект нового бомбозонда, потому что старый – дерьмо... Я оглянулся на отель. Мне оставалось только сделать вывод, что жизнь города находится в таинственной и весьма мощной зависимости от Аморфного Пятна на Уране. Или находилась когда-то... Юрковский высокомерно улыбался. Вообще скульптура была хорошая, но я не понимал, на что Юрковский опирается. На бомбозонд этот аппарат похож не был...

Что-то зашипело у меня над ухом. Я повернул голову и невольно отстранился. Рядом со мной, тупо уставясь в постамент, стоял длинный худой человек, с ног до шеи затянутый в какую-то серую чешую, с громоздким кубическим шлемом на голове. Лицо человека закрывала стеклянная пластина с дырочками. Из дырочек в такт дыханию вырывались струйки дыма. Изможденное лицо за стеклянной пластиной было залито потом и часто-часто ёкало щеками. Сначала я принял его за пришельца, затем подумал, что это курортник, которо-

му прописаны особые процедуры, и только потом догадался, что это артик.

– Простите, – сказал я. – Вы мне не скажете, что это за памятник?

Мокрое лицо совсем исказилось.

– Что? – глухо донеслось из-под шлема.

Я нагнулся.

– Я спрашиваю: что это за памятник?

Человек снова уставился на постамент. Дым из дырочек пошел гуще. Снова раздалось сильное шипение.

– Владимир Юрковский, – прочитал он. – Пятое декабря, год Весов... Ага... декабря... Ну... Так это какой-нибудь еврей или поляк...

– А кто этот памятник поставил?

– Не знаю, – сказал человек. – Тут же не написано. А зачем вам?

– Это мой знакомый, – объяснил я.

– Тогда чего вы спрашиваете? Спросили бы у него самого.

– Он умер.

– А-а... Так, может, его здесь похоронили?

– Нет, – сказал я. – Он далеко похоронен.

– Где похоронен?

– Далеко!.. А что это за штука, на которую он опирается?

– Какая штука? Это эрула.

– Что?

– Эрула, говорю! Электронная рулетка.

Я вытаращил глаза.

– При чем здесь рулетка?

– Где?

– Здесь, на памятнике.

– Не знаю, – сказал человек, подумав. – Может, ваш приятель ее изобрел?

– Вряд ли, – сказал я. – Он работал в другой области.

– В какой?

– Он был планетолог и планетолетчик.

– А-а... Ну, если он ее изобрел, то молодец. Полезная вещь. Надо бы запомнить: Юрковский Владимир. Голова-стый был еврей...

– Вряд ли он ее изобрел, – сказал я. – Я же говорю, он был планетолетчик.

Человек воззрился на меня.

– А если не он изобрел, тогда почему он с нею тут стоит, а?

– Так в том-то и дело, – сказал я. – Сам удивляюсь.

– Врешь ты все, – сказал человек неожиданно. – Врешь и сам не знаешь, зачем врешь. С самого утра, а уже наелся... Алкоголик! – Он повернулся и побрел прочь, волоча тощие ноги и звучно шипя.

Я пожал плечами, последний раз глянул на Владимира Сергеевича и через просторную, как аэродром, площадь направился к отелю.

Гигантский швейцар откатил передо мною дверь и звучно произнес: «Милости просим». Я остановился.

– Будьте любезны, – сказал я. – Вы не знаете, что это за памятник?

Швейцар посмотрел поверх моей головы на площадь. На лице его изобразилось замешательство.

– А разве там... не написано?

– Написано, – сказал я. – Но кто поставил этот памятник?

И за что?

Швейцар переступил с ноги на ногу.

– Прошу прощения, – виновато сказал он, – никак не могу ответить на этот вопрос. Он здесь давно стоит, а я совсем недавно... Боюсь вас дезинформировать. Может быть, портье...

Я вздохнул.

– Ну хорошо, не беспокойтесь. Где у вас здесь телефон?

– Направо, прошу вас, – сказал швейцар обрадованно.

Ко мне устремился было портье, но я помотал головой, взял трубку и набрал номер Римайера. На этот раз телефон оказался занят. Я направился к лифту и поднялся на девятый этаж.

Римайер, грузный, с непривычно обрюзгшим лицом, встретил меня в халате, из-под которого виднелись ноги в брюках и ботинках. В комнате воняло застоявшимся табачным дымом, пепельница на столе была полна окурков. Вообще в номере царил кавардак. Одно кресло было опрокинуто, на диване валялась скомканная сорочка, явно женская, под подоконником и под столом блестели батареи пустых буты-

лок.

– Чем могу служить? – неприятливо осведомился Римайер, глядя мне в подбородок. По-видимому, он только что вышел из ванны – редкие светлые волосы на его длинном черепе были мокры.

Я молча протянул ему свою карточку. Римайер внимательно прочитал ее, медленно сунул в карман халата и, по-прежнему глядя мне в подбородок, сказал: «Садитесь». Я сел.

– Очень неудачно получается, – сказал он. – Я чертовски занят, и нет ни минуты времени.

– Я несколько раз звонил вам сегодня, – сказал я.

– Я только что вернулся... Как вас зовут?

– Иван.

– А фамилия?

– Жилин.

– Видите ли, Жилин... Короче говоря, я должен сейчас одеться и уйти опять... – Он помолчал, растирая ладонью вялые щеки. – Да, собственно, и говорить-то... Впрочем, если хотите, посидите здесь и подождите меня. Если не вернусь через час, уходите и возвращайтесь завтра к двенадцати. Да, оставьте мне ваш адрес и телефон, запишите прямо на столе... – Он сбросил халат и, волоча его по полу, ушел в соседнюю комнату. – А пока осмотрите город. Скверный городишко... Но этим все равно надо заняться. Меня уже тошнит от него... – Он вернулся, затягивая галстук. Руки у

него дрожали, кожа на лице была дряблой и серой. Я вдруг ощутил, что не доверяю ему, – смотреть на него было неприятно, как на запущенного больного.

– Вы плохо выглядите, – сказал я. – Вы сильно изменились.

Римайер впервые взглянул мне в глаза.

– А откуда вы знаете, какой я был раньше?

– Я видел вас у Марии... Много курите, Римайер, а табак теперь сплошь и рядом пропитывают дрянью.

– Ерунда это – табак, – сказал он с неожиданным раздражением. – Здесь все дрянью пропитывают... А в общем-то вы правы, наверное, надо бросать. – Он медленно натянул пиджак. – Надо бросать... – повторил он. – И вообще не надо было начинать.

– Как идет работа?

– Бывало и хуже. На редкость захватывающая работа. – Он как-то неприятно усмехнулся. – Ну, я пойду. Меня ждут, я опаздываю. Значит, либо через час, либо завтра в двенадцать.

Он кивнул и вышел.

Я записал на телефонном столике свой адрес и телефон и, въехав ногой в кучу бутылок, подумал, что работа была, по-видимому, действительно захватывающая. Я позвонил портье и потребовал в номер уборщицу. Вежливейший голос ответил, что хозяин номера категорически запретил обслуживающему персоналу появляться в номере в его от-

сутствие и повторил это запрещение только что, выходя из отеля. «Ага», – сказал я и повесил трубку. Мне это не слишком понравилось. Сам я таких приказаний никогда не отдаю и никогда ни от кого ничего не скрываю, даже записную книжку. Глупо создавать ненужные впечатления, лучше поменьше пить. Я поднял опрокинутое кресло, уселся и приготовился ждать, стараясь подавить чувство недовольства и разочарования.

Ждать пришлось недолго. Минут через пять дверь открылась, и в комнату просунулась хорошенькая женская мордочка.

– Эй! – чуть сипло произнесла мордочка. – Римайер дома?

– Римайера нет, – сказал я. – Но вы все равно заходите.

Она поколебалась, рассматривая меня. По-видимому, она не собиралась заходить, просто заглянула мимоходом.

– Заходите, заходите, – сказал я. – А то мне одному скучно.

Она вошла легкой танцующей походкой и, подбоченясь, остановилась передо мной. У нее был короткий вздернутый нос и растрепанная мальчишеская прическа. Волосы были рыжие, шорты ярко-красные, а голошейка навывпуск – яично-желтая. Яркая женщина. И довольно приятная. Ей было лет двадцать пять.

– Ждете? – сказала она.

Глаза ее блестели, и от нее пахло вином, табаком и духами.

– Жду, – сказал я. – Садитесь, будем ждать вместе.

Она повалилась на тахту напротив меня и задрала ноги на телефонный столик.

– Киньте сигаретку рабочему человеку, – сказала она. – Пять часов не курила.

– Я некурящий... Позвонить, чтобы принесли?

– Господи, и здесь грустец... Оставьте телефон, а то опять припрется эта баба... Пошарьте в пепельнице и найдите бычок подлиннее!

В пепельнице было полно длинных бычков.

– Они все в помаде, – сказал я.

– Давайте, давайте, это моя помада. Как вас зовут?

– Иван.

Она щелкнула зажигалкой и закурила.

– А меня – Илина. Вы тоже иностранец? Вы все, иностранцы, какие-то широкие. Что вы здесь делаете?

– Жду Римайера.

– Да нет. Чего вас принесло к нам? От жены спасаетесь?

– Я не женат, – сказал я скромно. – Я приехал написать книгу.

– Книгу? Ну и знакомые же у этого Римайера... Книгу он приехал написать. Проблема пола у спортсменов-импотентов. Как у вас с проблемой пола?

– Это для меня не проблема, – сказал я скромно. – А для вас?

Она спустила ноги со столика.

– Но-но... Полегче. Здесь вам не Париж. Патлы сначала укороти, а то сидит как перш...

– Как кто? – Я был очень терпелив, ждать еще оставалось сорок пять минут.

– Как перш. Знаешь, ходят такие... – Она стала делать руками неопределенные движения возле ушей.

– Не знаю, – сказал я. – Я здесь недавно. Я еще ничего не знаю. Расскажите, это интересно.

– Ну уж нет, только не я. У нас не болтают. Наше дело маленькое – подай, приברי, скаль зубы и помалкивай. Профессиональная тайна. Слышал про такого зверя?

– Слышал, – сказал я. – А где это «у вас»? У врачей?

Почему-то ей это показалось очень смешным.

– У врачей!.. Надо же... – хохотала она. – А ты парень ничего, с язычком... У нас в Бюро тоже есть один такой. Как скажет – все лежат. Когда мы рыбарей обслуживаем, его всегда назначают, рыбари любят повеселиться.

– Да и кто не любит? – сказал я.

– Это ты зря. Интели, например, его прогнали. «Уберите, – говорят, – дурака...» Или вот нынче, у этих беременных мужиков...

– У кого?

– У грустцов. Слушай, а ты, я вижу, ничего не понимаешь. Откуда ты такой приехал?

– Из Вены, – сказал я.

– Ну и что? У вас в Вене нет грустцов?

- Вы представить себе не можете, чего только нет в Вене.
- Может быть, у вас там и нерегулярных собраний нет?
- У нас – нет, – сказал я. – У нас все собрания регулярные.

Как автобусная линия.

Она развлекалась.

– Может, у вас и официанток нет?

– Официантки есть. Причем попадаются превосходные экземпляры. Значит, вы официантка?

Она вдруг вскочила.

– Не-ет, так у нас дело не пойдет! – закричала она. – Хватит с меня грустцов на сегодня. Сейчас ты у меня выпьешь со мной на брудершафт, как миленький... – Она принялась валить бутылки под окном. – Вот стервы, все пустые... Может, ты и непьющий? Ага, вот есть немного вермута... Будешь вермут? Или спросить виски?

– Начнем с вермута, – сказал я.

Она грохнула бутылку на столик и взяла с подоконника два стакана.

– Надо вымыть, погоди минутку, накидали мусора... – Она ушла в ванную и продолжала говорить оттуда: – Если бы ты еще оказался непьющим, я бы не знаю что с тобой сделала... Ну и кабак у него здесь, в ванной, люблю! Ты где остановился, тоже здесь?

– Нет, в городе, – ответил я. – На Второй Пригородной.

Она вернулась со стаканами.

– С водой или чистого?

– Пожалуй, чистого.

– Все иностранцы пьют чистое. А у нас почему-то пьют с водой. – Она села ко мне на подлокотник и обняла меня за плечи. От нее здорово пахло спиртным. – Ну, на «ты»...

Мы выпили и поцеловались. Без всякого удовольствия. Губы у нее оказались сильно накрашены, а веки тяжелы от бессонницы и усталости. Она поставила стакан, отыскала в пепельнице еще один окурок и вернулась на тахту.

– Где же этот Римайер? – сказала она. – Сколько можно ждать? Ты давно его знаешь?

– Нет, не очень.

– По-моему, он сволочь, – сказала она с неожиданной злобой. – Все выпытал, а теперь скрывается. Не открывает, скотина, и не дозвонишься к нему. Слушай, а он не шпик?

– Какой шпик?

– А, много их, сволочей... Из Общества Трезвости, нравственники... Знатоки и Ценители тоже дрянь хорошая...

– Нет. Римайер – порядочный человек, – сказал я с некоторым усилием.

– Порядочный... Все вы порядочные. Поначалу. Римайер тоже был порядочным, таким прикидывался добреньким, веселеньким... А теперь смотрит, как крокодил!

– Бедняга, – сказал я. – Он, наверное, вспомнил о семье, и ему стало стыдно.

– Да нет у него никакой семьи. И вообще, ну его к черту! Налить тебе еще?

Мы выпили еще. Она легла и закинула руки за голову. Затем она сказала:

– Да ты не расстраивайся. Плюнь. Вина у нас полно, спляшем, сбегает на дрожку... Завтра футбол, поставим на «Быков»...

– Да я и не расстраиваюсь. На «Быков» так на «Быков».

– Ах, «Быки»! Какие мальчишки! Век бы смотрела... Руки как железо, прижмешься к нему – как к дереву, честное слово...

В дверь постучали.

– Заходи! – заорала Илина.

В комнату вошел и сразу остановился высокий костлявый человек средних лет со светлыми усами щеточкой и со светлыми выпуклыми глазами.

– Виноват, – сказал он. – Я хотел видеть Римайера.

– Здесь все хотят видеть Римайера, – сказала Илина. – Присаживайтесь, будем ждать вместе.

Незнакомец наклонил голову и присел к столу, положив ногу на ногу.

Вероятно, он был здесь не впервые. Он не озирался по сторонам, а глядел в стену прямо перед собой. Впрочем, может быть, он был не любопытен. Во всяком случае, ни я, ни Илина его явно не интересовали. Мне это показалось неестественным: по-моему, такая пара, как я и Илина, должна была заинтересовать любого нормального человека. Илина приподнялась на локте и стала пристально рассматривать незна-

комца.

– Я вас где-то уже видела, – объявила она.

– В самом деле? – холодно сказал незнакомец.

– Как вас зовут?

– Оскар. Я приятель Римайера.

– Вот славно, – сказала Илина. Ее явно раздражало безразличие незнакомца, но пока она сдерживалась. – Он тоже приятель Римайера. – Она показала на меня пальцем. – Вы знакомы?

– Нет, – сказал Оскар, по-прежнему глядя в стену.

– Меня зовут Иван, – сказал я. – А это приятельница Римайера. Ее зовут Илина, и мы с нею только что выпили на брудершафт.

Оскар довольно равнодушно взглянул на Илину и вежливо наклонил голову. Илина, не сводя с него глаз, взяла бутылку.

– Здесь еще немного осталось, – сказала она. – Хотите выпить, Оскар?

– Нет, благодарю вас, – холодно ответил Оскар.

– На брудершафт! – сказала Илина. – Не хотите? Зря.

Она плеснула вина в мой стакан, а остатки вылила в свой и сейчас же выпила.

– В жизни бы не подумала, – сказала она, – что у Римайера могут быть друзья, которые откажутся выпить. А ведь я вас все-таки где-то видела!

Оскар пожал плечами.

– Вряд ли, – сказал он.

Илина накалялась на глазах.

– Сволочь какая-нибудь, – сообщила она мне громко. – Алло, Оскар, может, вы интель?

– Нет.

– Как же нет? – сказала Илина. – Ясно, что интель. Вы еще поцапались в «Ласочке» с плешивым Лейзом, зеркало расколотили, а Моды надавала вам оплеух...

Каменное лицо Оскара слегка порозовело.

– Уверяю вас, – произнес он очень вежливо, – я не интель и никогда в жизни не был в «Ласочке».

– Что же, я вру, по-вашему? – сказала Илина.

Тут я на всякий случай снял со столика бутылку и поставил под кресло.

– Я приезжий, – сказал Оскар. – Турист.

– Давно прибыли? – спросил я, чтобы разрядить атмосферу.

– Нет, недавно, – ответил Оскар. Он по-прежнему глядел в стену. Железной выдержки человек.

– А-а! – сказала вдруг Илина. – Помню... Это я все напутала. – Она расхохоталась. – Никакой вы не интель, конечно... Вы же были позавчера у нас в Бюро. Вы коммивояжер, да? Вы предлагали управляющему партию какой-то дряни... «Дюгонь»... «Дюпон»...

– «Девон», – подсказал я. – Есть такой репеллент, «Девон».

Оскар впервые улыбнулся.

– Совершенно верно, – сказал он. – Но я не коммивояжер, конечно. Я просто выполнил поручение моего родственника.

– Это другое дело, – сказала Илина и вскочила. – Так бы и сказали. Иван, нам всем нужно выпить на брудершафт. Я позвоню... Нет, лучше я сбегаю. А вы пока поболтайте. Я сейчас...

Она выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

– Веселая женщина, – сказал я.

– Да, чрезвычайно. Вы местный?

– Нет, я тоже приезжий... Какая странная идея пришла в голову вашему родственнику!

– Что вы имеете в виду?

– Кому нужен «Девон» в курортном городе?

Оскар пожал плечами.

– Мне трудно судить об этом, я не химик. Но согласитесь, нам часто трудно понять даже поступки наших ближних, не то что их фантазии... Так «Девон», оказывается... как вы его назвали? Реце...

– Репеллент, – сказал я.

– Это, кажется, для комаров?

– Не столько для, сколько против.

– Вы, я вижу, хорошо в этом разбираетесь, – сказал Оскар.

– Мне приходилось им пользоваться.

– Ах, даже так...

Что за черт? – подумал я. Что он всем этим хочет сказать?

Он больше не смотрел в стену. Он смотрел мне прямо в глаза и улыбался. Но если он хотел что-нибудь сказать, то он уже сказал. Он встал.

– Пожалуй, я не стану больше ждать, – произнес он. – Насколько я понимаю, меня здесь вынудят пить на брудершафт. А я приехал сюда не пить. Я приехал сюда лечиться. Передайте, пожалуйста, Римайеру, что я буду звонить ему сегодня вечером. Не забудете?

– Нет, – сказал я. – Не забуду. Если я скажу, что заходил Оскар, он поймет, о ком идет речь?

– Да, конечно. Это мое настоящее имя.

Он поклонился и вышел размеренным шагом, не оглянувшись, прямой и весь какой-то неестественный. Я запустил пальцы в пепельницу, выбрал окурочек без помады и несколько раз затянулся. Табак мне не понравился. Я потушил окурочек. Оскар мне тоже не понравился. И Илина. И Римайер мне тоже очень не понравился. Я перебрал бутылки, но все они были пустые.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Римайера я не дождался. Илина так и не вернулась. Мне надоело сидеть в прокуренной комнате, и я спустился вниз, в вестибюль. Я намеревался пообедать и остановился, озираясь, где здесь ресторан. Около меня мгновенно возник портье.

– К вашим услугам, – нежно прошелестел он. – Автомобиль? Ресторан? Бар? Салон?..

– Какой салон? – полюбопытствовал я.

– Парикмахерский салон. – Он деликатно взглянул на мою прическу. – Сегодня принимает мастер Гаоэй. Усиленно рекомендую.

Я вспомнил, что Илина назвала меня, кажется, патлатым першем, и сказал: «Ну что ж, пожалуй». – «Прошу за мной», – сказал портье. Мы пересекли вестибюль. Портье приоткрыл низкую широкую дверь и негромко сказал в пустоту обширного помещения:

– Простите, мастер, к вам клиент.

– Прошу, – произнес спокойный голос.

Я вошел. В салоне было светло и хорошо пахло, блестел никель, блестели зеркала, блестел старинный паркет. С потолка на блестящих штангах свисали блестящие полушария. В центре зала стояло огромное белое кресло. Мастер двигался мне навстречу. У него были пристальные неподвижные

глаза, крючковатый нос и седая эспаньолка. Больше всего он напоминал пожилого, опытного хирурга. Я робко поздоровался. Он коротко кивнул и, озирая меня с головы до ног, стал обходить меня сбоку. Мне стало неудобно.

– Приведите меня в соответствие с модой, – сказал я, стараясь не выпускать его из поля зрения. Но он мягко придержал меня за рукав и несколько секунд дышал за моей спиной, бормоча: «Несомненно... Вне всякого сомнения...» Потом я почувствовал, как он прикоснулся к моему плечу.

– Несколько шагов вперед, прошу вас, – сказал он строго. – Пять-шесть шагов, а потом остановитесь и резко повернитесь кругом.

Я повиновался. Он задумчиво разглядывал меня, пощипывая бородку. Мне показалось, что он колеблется.

– Впрочем, – сказал он неожиданно, – садитесь.

– Куда? – спросил я.

– В кресло, в кресло, – сказал он нетерпеливо.

Я опустился в кресло и смотрел, как он снова медленно приближается ко мне. На его интеллигентнейшем лице вдруг появилось выражение огромной досады.

– Ну как же так можно? – произнес он. – Это же ужасно!..

Я не нашелся что ответить.

– Сырье... Дисгармония... – бормотал он. – Безобразно... Безобразно!

– Неужели до такой степени плохо? – спросил я.

– Я не понимаю, зачем вы пришли ко мне, – сказал он. –

Ведь вы не придаете своей внешности никакого значения.

– С сегодняшнего дня начинаю придавать, – сказал я.

Он махнул рукой.

– Оставьте!.. Я буду работать вас, но... – Он затряс головой, стремительно повернулся и отошел к высокому столу, уставленному блестящими приборами. Спинка кресла мягко откинулась, и я оказался в полулежачем положении. Сверху на меня надвинулось большое полушарие, излучающее тепло, и сотни крошечных иголок тотчас закололи мне затылок, вызывая странное ощущение боли и удовольствия одновременно.

– Прошло? – спросил мастер, не оборачиваясь. Ощущение исчезло.

– Прошло, – ответил я.

– Кожа у вас хороша, – с некоторым удовольствием проворчал мастер.

Он вернулся ко мне с набором необыкновенных инструментов и принялся ощупывать мои щеки.

– И все-таки Мироза вышла за него, – сказал он вдруг. – Я ожидал всего, чего угодно, но только не этого. После того как Левант столько сделал для нее... Вы помните этот момент, когда они плачут над умирающей Пини? Можно было держать любое пари, что они вместе навсегда. И теперь, представьте себе, она выходит за этого литератора!

У меня есть правило: подхватывать и поддерживать любой разговор. Когда не знаешь, о чем идет речь, это даже ин-

тересно.

– Ненадолго, – сказал я уверенно. – Литераторы непостоянны, уверяю вас. Я сам литератор.

Его пальцы на секунду замерли на моих веках.

– Это не приходило мне в голову, – признался он. – Все-таки брак, хотя и гражданский... Надо не забыть позвонить жене. Она была очень расстроена.

– Я ее понимаю, – сказал я. – Хотя мне всегда казалось, что Левант сперва был влюблен в эту... в Пини.

– Влюблен? – воскликнул мастер, заходя с другого бока. – Ну разумеется, он любил ее! Безумно любил! Как может любить только одинокий, всеми отвергнутый мужчина!

– И поэтому совершенно естественно, что после смерти Пини он искал утешения у ее лучшей подруги...

– Подруги... Да, – сказал одобрительно мастер, щекоча меня за ухом. – Мироза обожала Пини. Это очень точное слово: именно подруга! В вас сразу чувствуется литератор. И Пини тоже обожала Мирозу...

– Но заметьте, – подхватил я. – Ведь Пини с самого начала подозревала, что Мироза равнодушна к Леванту.

– О, конечно. Они необычайно чутки к таким вещам. Это было ясно каждому, моя жена сразу обратила на это внимание. Я помню, она подталкивала меня локтем каждый раз, когда Пини садилась на кудрявую головку Мирозы и так лукаво, знаете ли, выжидательно поглядывала на Леванта...

На этот раз я промолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.